

Шори Халимендис

По ту
СТОРОНУ
ТЬМЫ

18+

Тори Халимендис

По ту сторону Тьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39488203

SelfPub; 2018

Аннотация

Северина, единственная оставшаяся в живых наследница древнего рода, возвращается в разоренный замок, чтобы найти таинственный артефакт. Ее помощники – причудливая компания: путешественник, поэт, друг детства и лесная ведьма. Ее недоброжелатели – противоборствующие силы Света и Сумрака. А вот кем является таинственный незнакомец из снов, ей еще предстоит выяснить. Изображение для обложки взято с сайта pixabay по лицензии СС0

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Артинея	6
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Пролог

В унылой серой мороси замок казался призрачным. Окна его не светились приветливо огнями, крики, лай и ржание не оживляли тишину. Мрачное каменное строение выглядело так, будто люди покинули его давным-давно. Запустение – вот что пришло мне на ум.

Двери, однако же, отворились бесшумно, и это даже напугало меня. Вместо привычного тепла внутри меня встретил холод. Пахло затхлостью и сыростью. С трудом сдерживая дрожь, я поднялась по широкой лестнице. В сердце будто всадили тупую ржавую иглу, и оно ныло от боли.

Осколки разбитых витражей похрустывали под ногами, разодранные гобелены свисали со стен унылыми тряпками, будто насмехаясь над воспоминаниями. Пыль, которую некому было убирать, покрыла толстым слоем все поверхности. В углу я заметила знакомую вещицу. Старая кукла в некогда розовом, а теперь невразумительного цвета платье глядела в потолок стеклянными глазами. Оторванные руки и ноги валялись рядом. Я несколько раз моргнула, прогоняя непрошеные слезы. Не время рыдать, еще не время.

"И тогда пришли они, порождения Сумрака, сметавшие все на своем пути и нагонявшие страх на всякого, кто их увидел..."

Старые сказки, в которые никто из нас не верил, внезапно обернулись правдой. Зловещей, пугающей правдой, к которой мы не были готовы. Мы оказались слишком беспечны – и заплатились за это горем и болью.

И вот теперь я иду в одиночестве по опустевшему замку и воскрешаю своих призраков...

Часть первая. Артинея

– Ждите! Вас скоро примут! – раздраженно бросил худощавый сутулый секретарь с напыженными усиками. От чего-то именно эти усики, тщательно подстриженные и выверено уложенные, вызывали во мне глухую злость. Ни тон служащего, будто он разговаривал с жалкой просительницей, ни его презрительный взгляд абсолютно не трогали меня. Я прекрасно понимала, как именно здесь могут отнестись к посетительнице в ветхом запыленном дорожном плаще. Косу я наскоро переплела да плеснула в лицо водой, чтобы кое-как умыться – вот и все. Разумеется, мало кто признал бы в скромной страннице единственную наследницу старинного богатого рода. Единственную выжившую наследницу, поправила я себя.

Ставшая уже привычной боль кольнула на мгновение и тут же отпустила. Нельзя, сейчас не время.

Разумеется, я могла бы приехать в столицу так, как полагалось даме моего происхождения: в хорошем экипаже, с прислугой (пусть даже и недавно нанятой), с множеством роскошных нарядов в багаже. Но тогда пришлось бы задержаться, а дело мое не терпело отлагательств.

Несмотря на заверения секретаря, ждать мне пришлось довольно долго. Прошло не меньше получаса, прежде чем меня позвали в кабинет.

Благодатного я видела впервые. К моему удивлению, глава Храма отнюдь не походил на тот образ, что нарисовало себе мое воображение. Отчего-то я ожидала увидеть мужчину гораздо старше и, чего уж скрывать, гораздо менее привлекательного. В действительности же Благодатному вряд ли было больше сорока лет. Поскольку он сидел, мне было трудно определить его рост, но вот худоба служителя бросалась в глаза. Запавшие щеки, резкие высокие скулы, нос с горбинкой, внимательный цепкий взгляд серых глаз под густыми сросшимися бровями и неожиданно чувственные пухлые губы – вот портрет Благодатного. Он откинул со лба длинную прядь темных волос и посмотрел мне в лицо.

– Итак, – голос его был низким и вкрадчивым, – вы заявляете, что являетесь Севериной Леонорой дель Лерой, единственной выжившей из рода?

– Да, это так, – подтвердила я.

Благодатный не предложил мне присесть, и я стояла перед его столом, словно провинившаяся ученица перед учителем. Локтем служитель небрежно опирался на бумаги, которые я передала его секретарю, а в длинных пальцах вертел какую-то, как мне показалось, открытку.

– Что же, определенное сходство имеется. Но не стопроцентное. Как вы докажете, что не самозванка?

Открытка мягко опустилась на стол, так, чтобы я могла ее разглядеть. С нее мне улыбалась юная белокурая девушка с черными глазами под темными дугами бровей и едва замет-

ными ямочками на щеках. Художник мне определенно польстил: в действительности скулы у меня были чуть шире, а кончик носа слегка вздернут. Но – здесь Благодатный не ошибался – сходство все же присутствовало. Узнать меня по изображению было можно, хоть прошло уже довольно много времени с тех пор, как рисовался портрет.

Я кивком указала на бумаги.

– Это? – Благодатный придал лицу удивленное выражение. – Но вы ведь и сами должны понимать, что эти документы ничего не доказывают. Самозванка тоже вручила бы мне нечто подобное.

– Бумаги подлинные, – холодно произнесла я. – Не сомневаюсь, что вы их проверили.

– Проверил. Но вот вашу личность они не доказывают. Вы могли найти их, купить у настоящей Северины Леоноры или у ее убийц, украсть, в конце концов. Нужно нечто иное. Что-нибудь такое, что могла бы знать только настоящая дель Лерой.

Я усмехнулась.

– И как вы проверите истинность моих слов? Ведь вы к нашему роду не принадлежите. Или вы ожидаете, что я укажу вам путь в семейную сокровищницу, например?

Благодатный подался вперед.

– Сокровищница дель Лерой была разграблена. Мои сведения точны.

Разумеется, точны. Я нисколько не сомневалась, что после

ухода Сумеречных замок обшарили и храмовники, и люди короля. Но даже если что-то и обнаружили, то возвращать мне находки никто не станет. Вот только Благодатный дураком никак не являлся и прекрасно понимал, что самое ценное вполне могло быть спрятано настолько тщательно, что укрытие невозможно обнаружить даже после нескольких лет поиска. Но если он рассчитывал, что я выдам ему семейные секреты, то сильно ошибался. Хватит с него и того, что вывезли из замка ищейки.

– Если вас не устраивает опустошенная сокровищница, тогда, быть может, убедит семейный знак? – спросила я, деловито закатывая рукав.

Я ожидала любой реакции, только не такой. Благодатный откинулся на спинку кресла и расхохотался.

– Ваша дерзость говорит сама за себя, – заметил он, отсмеявшись. – Но показывайте ваш знак, мне любопытно.

Под его внимательным взглядом на тонкой белой коже около запястья проступили черные линии, свиваясь в причудливый узор.

– Допустим, я вам поверил, – произнес Благодатный скупающим тоном. – Сделаем вид, что вы действительно та, за кого себя выдаете. И здесь возникает вопрос: а чего вы, собственно, от меня ожидаете?

Я задохнулась от возмущения. Мало того, что глава Храма ясно дал понять, что считает меня самозванкой, так он еще задает столь странные вопросы. Действительно, чего может

хотеть та, чья семья погибла, замок опустел, а земли разорены?

– Я требую того, на что имею право, – твердо сказала я, глядя Благодатному в глаза. – Защиты и справедливости.

– От кого же вас защищать? – деланно удивился мой собеседник. – Насколько мне известно, мятежники испугались и разбежались. Да и обратились вы, дорогая моя, не по адресу. Храм подобными вопросами не занимается.

Руки сами собою сжались в кулаки, внутри поднялась волна ярости, в глазах потемнело.

– А кто говорит о мятежниках? – едва сдерживаясь, чтобы не заорать, сквозь зубы процедила я. – Я прошу защиты от порождений Сумрака. И это как раз-таки дело Храма.

Благодатный в волнении вскочил на ноги. Он действительно оказался худ, а еще – высок, выше меня примерно на голову.

– Ты лжешь! – окончательно отбросив всякую вежливость, прошипел он. – Сумеречные твари не в силах проникнуть за Черту! Все, на что они способны – насылать ночные кошмары и лихорадку, что исцеляется молитвами. На землях дель Лерой вспыхнул мятеж! Это всем известно!

Ярость клокотала внутри, требовала выхода. Мне пришлось крепко сцепить пальцы, чтобы не наброситься на Благодатного и не расцарапать ему лицо, точно простолюдинка.

– И, тем не менее, это были именно они! Порождения Сумрака, сеявшие хаос и страх на своем пути. Они пронес-

лись по нашим землям, не встречая отпора – кто осмелился бы противостоять воплощенному ужасу? Вы говорите о мятежниках? Разве мятежники разбегаются, оставив после себя разрушенные храмы Света? Нет, это были Сумеречные.

– Лжешь!

Искусно сработанная хрустальная фигурка, прежде украшавшая стол, полетела в стену и с жалобным звоном осыпалась брызгами осколков. Дверь тут же приотворилась, и в щели показалась перепуганная физиономия секретаря.

– Позови стражу! Немедленно!

Вот теперь я испугалась – впервые за все время нахождения в кабинете Благодатного. Если меня сейчас запрут где-нибудь в подвале (о подземных казематах Храма даже думать не хотелось, слишком уж мрачные ходили о них слухи), то там я и сгину. Искать меня некому. Да, я пришла к главе Храма не таясь, среди бела дня и меня видели прохожие – но кому из них есть дело до незнакомки в поношенном плаще и запыленных сапогах. Мои вещи остались на постоялом дворе, где я сняла комнату, но вряд ли хозяин начнет разыскивать пропавшую путницу. Скорее уж, если я не вернусь, то он просто присвоит мой нехитрый скарб.

Пока я лихорадочно пыталась сообразить, что же мне делать – кричать? отбиваться? наброситься все-таки на Благодатного? – в кабинете появились два крепких парня. Я метнулась было к окну, но один из них тут же ухватил меня за локоть. Вроде бы сжал и несильно, но от боли у меня потем-

нело в глазах. Все желание сопротивляться тут же куда-то испарилось.

– Куда ее? – равнодушным тоном осведомился державший меня охранник. – На улицу или в камеру?

Раздумывал Благодатный недолго.

– В особую комнату, – отрывисто распорядился он. – Еды пока не давать.

Мне зажали рот огромной лапицей и вытащили, но не через приемную, а через прикидывающуюся деревянной панелью потайную дверь.

Особая комната больше всего походила на дорогой гостиничный номер, вот только окон в ней не было, и дверь не запиралась изнутри. А когда я, оставшись в одиночестве, решила подпереть ее креслом, то обнаружила, что вся мебель привинчена к полу. Попинав от злости злополучное кресло, я принялась осматриваться дальше, и вскоре поняла, отчего Благодатный запретил приносить мне пищу, но ни словом не обмолвился о воде. Дело в том, что в моем распоряжении оказалась чудесная ванная комната – тоже без задвижки, зато со стопкой пушистых полотенец разного размера и абсолютно новым халатом, который оказался мне великоват. Пожав плечами, я набрала в утопленный в полу небольшой бассейн горячей воды и решила искупаться, раз уж все равно заняться мне пока больше было нечем. Вымыла волосы душистым мылом, облачилась в любезно предоставленный

мне халат, закатала слишком длинные рукава и вернулась в комнату. И вскрикнула от неожиданности. В кресле сидел Благодатный и не отрываясь смотрел на меня.

ЗАМОК ДЕЛЬ ЛЕРОЙ ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

– Король слишком слаб.

– Он еще юн, Себастьян. Я верю, что Карл себя проявит, дай ему только время.

– Время! Можно подумать, у нас его в избытке. Храм набирает силу и все чаще вмешивается в светские дела. Я уж и не знаю, кто именно является истинным правителем – король или Благодатный.

– Себастьян!

Тамалия прикрыла рот рукой и испуганно оглянулась, опасаясь, не услышал ли кто слова ее супруга. Юная Северина сжалась за шкафом в комок, боясь даже подумать о том, какая выволочка ее ожидает, если родители обнаружат невольную свидетельницу их разговора. Не спасет даже то, что она считалась уже почти взрослой – в прошлом месяце ей исполнилось шестнадцать. Еще через пару лет девушке надо будет подыскивать жениха. Можно было бы заключить помолвку и не дожидаясь восемнадцатилетия Северины, но Себастьян даже думать пока не хотел о расставании с единственной дочерью. Тамалия не торопила супруга. Ее девочка

знатного рода, неглупа, хороша собой, за ней дают хорошее приданое – без жениха она точно не останется. Правда, ей присуща фамильная вспыльчивость – но кто без недостатков? Главное, чтобы Северина сама одобрила подобранную отцом кандидатуру. Но сейчас супругу Себастьяна занимал иной вопрос, куда более важный. Муж ее ввязался в дела столь опасные, что любой промах грозил погибелью всей семье.

– Проблема есть, Тамалия, и от замалчивания она никуда не денется! – раздраженно воскликнул Себастьян. – Как бы мы ни желали остаться в стороне, никто нам держать нейтралитет не позволит. Да я и сам не смогу смотреть, как наша страна постепенно становится королевством храмовников.

Меньше всего невольную свидетельницу семейной ссоры в ту пору интересовала политика. В кабинет отца Северина пробралась с единственной целью – узнать, что именно написал старый друг семьи, гостивший в замке в прошлом месяце со своим сыном. Юноша оказывал дочери хозяев недвусмысленные знаки внимания, и она полагала, что их родители могли обрадоваться возможности заключить брачный союз. И лишь несвоевременное возвращение отца заставило девушку прятаться за шкафом, а затем еще и выслушивать абсолютно неинтересный ей разговор...

– Вы удивительно хладнокровны, – сказал Благодатный.

В голосе его звучала не то насмешка, не то уважение – я так и не смогла определить.

– О чём вы?

– О том, что вас, похоже, вовсе не волнует собственная судьба. Едва оставшись в одиночестве, вы поспешили принять ванну. Признаться, я поражен.

Поскольку единственное кресло в комнате было занято главой Храма, я присела на кровать. Стоять перед Благодатным подобно распекаемой ослушнице я больше не была намерена.

– А вы бы предпочли, чтобы я провела время, заливаясь слезами?

– Скажем так – я бы не удивился, застав подобную картину.

Я хмыкнула.

– Жаль разочаровывать вас. Мое же поведение объясняется просто: я не могу знать, что вы решите сделать со мной дальше. Возможно, последуете совету своих подчиненных и отправите в камеру. Там уж точно не будет возможности вымыться. А я, знаете ли, успела изрядно пропылиться в дороге.

Блеснули в улыбке крепкие белые зубы.

– Похоже, дерзость – фамильная черта дель Лерой, – весело произнес Благодатный.

Я подалась вперед.

– Значит, вы поверили мне? Тогда зачем все эти проверки? Почему меня заперли здесь? Я не понимаю...

– Милая моя Северина Леонора... Кстати, на редкость неудобно обращаться к вам подобным образом. Пока выговоришь, позабудешь, что именно хотел сказать. У вас есть домашнее имя?

– Есть, конечно же, – я была совсем сбита с толку. – Рина.

– Рина, – собеседник словно бы пробовал мое имя на вкус. – Рина. Замечательно. Можете звать меня Франц.

Я насторожилась. Посмотрела на свои босые ноги и тут же надежно прикрыла их длинными полами халата, затем перевела взгляд на кровать и стянула у горла ворот дрожащей рукой. Как бы я ни храбрилась, но отлично понимала, что помощи мне ждать неоткуда.

– Вы не о том думаете, Рина. Впрочем, если желаете, то я возражать не стану. Все-таки вы молоды и привлекательны, полагаю, мы оба получим удовольствие. Так как?

Я вспыхнула и помотала головой. Мне было нестерпимо стыдно за свои предположения, но облегчение из-за того, что Благодатный не собирался насиловать меня, перевешивало стыд.

– Ну как пожелаете. Если передумаете – обращайтесь, – он открыто насмеялся надо мной. – Но сейчас я хотел бы поговорить на другую тему.

– А я бы хотела пообедать, – буркнула я, пытаюсь скрыть смущение за привычной дерзостью.

– Пообедаете потом. Быть может, – загадочно ответил Благодатный, которого я пока даже в мыслях не осмеливалась называть по имени.

– Хотите сказать, что намерены морить меня голодом?

– Вы произвели на меня впечатление неглупой девушки, Рина. Мне очень не хотелось бы в вас разочаровываться.

– Мой обед зависит от результатов нашей беседы?

– Не только обед. Признайтесь, вам ведь понравилось ваше временное жилище? Полагаю, подземный каземат обрадовал бы вас гораздо меньше: там не только, как вы справедливо заметили, отсутствует ванная комната, но еще темно, холодно и сыро. И вместо удобной постели спать придется в лучшем случае на тюфяке, набитом полусгнившей соломой. А еще там водятся крысы. Вы боитесь крыс, Рина? На редкость омерзительные твари. А ведь в моих силах отправить вас в подземелье. Или же приказать высечь плетью на площади на потеху толпе как самозванку и мошенницу. А то и вовсе велеть придушить вас и выбросить труп в выгребную яму. Догадываетесь, почему я столь откровенен с вами?

– Это не похоже на откровенность, – возразила я. – Скорее уж на запугивание, чтобы я прониклась ситуацией и согласилась на ваше предложение, в чем бы оно ни заключалось.

– А вы мне нравитесь, – неожиданно признался глава Храма. – Давненько я не получал такого удовольствия от словесной пикировки. В последнее время все так стараются сразу же со мной согласиться, что порой бывает даже скучно.

– Рада, что мне удалось вас повеселить, – не скрывая сарказма, произнесла я. – Но давайте вернемся к теме нашей беседы. Мне очень любопытно, отчего вы столь старательно делали вид, будто не верите мне.

– Видите ли, милая моя Рина, оставлять земли дель Лерой без законного наследника – или, как в нашем случае, наследницы – мне крайне невыгодно. Вы и сами понимаете, что слишком уж лакомым куском они являются для нашей знати. Да, земли приграничные, более того, находятся недалеко от Черты, но зато весьма и весьма плодородные. А главное... – здесь Благодатный сделал паузу и внимательно посмотрел на меня.

Его проверки и подковырки уже изрядно раздражали меня, равно как и обращение "милая моя", но я держала себя в руках.

– Главное – шахты, не так ли? Добыча кристаллов, ежегодно пополняющая казну дель Лерой внушительными суммами.

– Разумеется. И вы не можете не понимать, что тот, кому удастся урвать этот кусок, слишком уж упрочнит свое положение. А меня вполне устраивает существующая на данный момент расстановка сил при дворе. Конечно же, могут возникнуть вполне закономерные осложнения в связи с вашим возможным замужеством – ведь вы принесете своему супругу владения рода в приданое – но пока этот вопрос, как я понимаю, не стоит?

Я кивнула.

– Отлично, – продолжил глава Храма. – Словом, вы полностью устраиваете меня в качестве наследницы дель Лерой. Есть только одно крохотное осложнение.

– Какое же?

– Ваши нелепые рассказы о нападении Сумеречных. По-забудьте о них – и мы с вами договоримся.

Гнев вновь поднялся во мне душевой волной.

– Позабыть? Сделать вид, будто не было никаких порождений Сумрака, а был крестьянский мятеж, успешно подавленный королевскими войсками?

– Именно. Вы правильно ухватили суть. К тому же, если я не ошибаюсь, во время нападения вы в замке отсутствовали.

– Отсутствовала, – вынуждена была согласиться я. – Иначе, боюсь, я бы с вами сейчас не разговаривала. Но Сумеречных я все же видела. Темный ураган, сметающий все на своем пути, подавляющий волю и внушающий безотчетный ужас – такое забыть невозможно.

– И все же вам придется это сделать, – жестко сказал Благодарный. – Ваши рассказы – прямая угроза спокойствию нашего королевства. Я полагаю, что вы достаточно разумны, чтобы это понимать. Черта нерушима, и твари не могут проникнуть через нее.

– Но ведь проникли же, – упрямо стояла на своем я.

– Нет! – резкий крик главы Храма заставил меня сжаться. – Это ложь! Ложь! Ложь, способная посеять панику и по-

родить хаос. Только представьте себе, какое смятение воцарится, если люди поверят вашим словам. Спокойной жизни придет конец. Рухнет вера в Светлую Благодать. Начнут процветать мошенники, выдающие себя за колдунов, способных остановить Сумрак. Волнения затронут не только простой народ, но и аристократию. Найдутся те, кто решит, что король слишком слаб для управления страной в столь непростой момент. Вы желаете, чтобы пламя мятежа охватило все королевство? Хотите низвергнуть свою страну в пропасть?

– Нет, – пробормотала я.

– А получите именно это. Вы станете маленьким камешком, вызвавшим лавину, все погребаящую на своем пути. Лишите народ веры в защиту Храма и короля. Посеете смуту. Пятьсот лет – пятьсот, Рина! – обитатели Светлого Королевства чувствовали себя в безопасности, зная, что их оберегает Черта. И вот заявляетесь вы и уверяете, что давние враги вновь могут вторгнуться на наши земли. Более того, доказываете, что уже были первые жертвы. Сеете панику. Если вы будете настаивать на своей версии, то я просто не имею права отпускать вас. Подумайте об этом, Рина. У вас будет достаточно времени. А я пока распоряжусь, чтобы вам принесли поесть.

Благодатный поднялся с кресла и сделал несколько шагов к двери, но внезапно остановился около меня.

– Кажется, в начале нашего разговора вы высказали довольно интересное предложение... – протянул он и слегка

толкнул меня в плечо.

Я даже не успела осознать, что происходит, как оказалась лежащей на спине, придавленной к кровати тяжелым мужским телом.

– Вы ведь понимаете, что я могу сделать с вами все, что захочу, не так ли, милая моя Рина?

– Не надо, – испуганно пискнула я.

Рука Благодатного задрала полу халата, скользнула вверх по бедру. Горячие губы прижались к моей шее.

– Не надо, – тихо повторила я и почувствовала, как защи-пало глаза.

Дура! Какая же я дура! Расслабилась, поверила в то, что мне не причинят вреда.

Благодатный приподнялся, опираясь на локоть, рывком распахнул халат, обнажая мою грудь. Я зажмурилась и попыталась прикрыться, но сильная ладонь крепко сжала мое запястье.

– Вы полностью в моей власти, Рина. Не забывайте об этом.

В следующее мгновение я вскрикнула, ощутив укус на нежной коже, а затем меня внезапно освободили. Скрипнула кровать.

– Со мной лучше сотрудничать, Рина, – произнес холодный голос.

Я открыла глаза, только когда услышала, как захлопнулась дверь. Ахнула, сообразив, что все еще лежу в распахнутом

халате, а в комнате в любой момент могут появиться слуги. Быстро поднялась, потуже затянула пояс и сильно прикусила губу, останавливая готовые пролиться злые слезы. Щеки горели от стыда. Благодатный определенно был сильным противником, но вот слишком уж перестарался с демонстрацией своей власти. Вместо смирения во мне поднимала голову душная, ядовитая ненависть.

Я была голодна, очень голодна, но если бы меня спросили, что именно принес мне на обед молчаливый слуга – ответить я бы не смогла. Я ела, почти не ощущая вкуса поданных блюд. Мысли все возвращались к недавнему разговору с Благодатным. Да уж, Северина Леонора дель Лерой, ты приобрела потрясающее умение наживать себе могущественных врагов.

То, что глава Храма мне поверил, сомнений не вызывало. Непонятно только было, что именно он намерен делать дальше. Его аргументы казались мне убедительными, но... Но прорыв Черты – вовсе не незначительное происшествие, которое с легкостью можно скрыть. И самая большая опасность кроется в том, что теперь Сумеречные могут появиться в любое время и в любом месте, раз уж Черта больше не является для них помехой. Впрочем, я ведь не имею ни малейшего представления о том, как она действует. Знаю лишь, что она служит преградой для порождений Сумрака. Быть может, все обстоит далеко не столь страшно, как я успела се-

бе вообразить? Быть может, у Храма есть возможность восстановить Черту? Та самая война, навсегда отделившая Свет от Сумрака, случилась так давно, что до нас дошли лишь легенды и былины о том времени. Что случилось тогда в действительности – не знал никто, кроме, разве что, храмовников и ученых. Но до сих пор крестьянки севера пугали Сумеречными непослушных детей.

Одно не вызывало сомнений – предложение Благодатного мне придется принять. При мысли о том, что он способен потребовать от меня доказательств лояльности, я брезгливо поморщилась. Впрочем, этого могло бы и не произойти: во время недавней сцены я не ощутила никаких признаков вожделения у повалившего меня на постель мужчины. Глава Храма желал указать мне мое место, а не обладать мною, как женщиной. Хотя он ведь сказал, что будет не против... Я слегка тряхнула головой, отгоняя тяжелые мысли. Не стоит думать о том, что, возможно, никогда не случится.

Я отнюдь не обольщалась, полагая, будто Благодатный не сможет дотянуться до меня в королевском дворце. Да и случайно подслушанный давным-давно разговор родителей давал понять, что искать защиты у короля будет бесполезно. Какую защиту сможет мне дать безвольная марионетка Храма? Надеяться оставалось только на себя.

К очередному визиту главы Храма я успела успокоиться окончательно. Немало способствовало моему спокойствию

и то, что мне принесли новую одежду, не слишком изысканную и дорогую, но добротную и удобную. Все-таки в халате я чувствовала себя не вполне уверенно.

– Итак, вы приняли решение?

– Да... Франц.

Благодатный посмотрел на меня с удивлением. Я улыбнулась одними углами губ и сделала шаг к нему. Он стоял спокойно, не отталкивая меня, но и не предпринимая попытки мне помочь.

– Я согласна, – шепнула я и прижалась к его губам.

Благодатный – Франц – не соврал: он действительно был опытным мужчиной, способным доставить женщине удовольствие. В других обстоятельствах я бы, скорее всего, наслаждалась поцелуем. Его язык скользнул между моих губ, дразня и возбуждая, руки сжали ягодицы, слегка приподнимая меня и прижимая крепче к сильному мужскому телу. Я закрыла глаза и прильнула к Францу, но в голове билась только одна мысль: этот человек опасен для меня, смертельно опасен. Никакого удовольствия поцелуй мне не принес, все усилия уходили на то, чтобы не выдать свои истинные чувства.

– Это было лишним, – сказал он, разорвав наконец поцелуй и отстраняясь от меня.

– Простите?

– Я говорю, вам нет смысла меня соблазнять, – он усмехнулся. – Я не из тех слабовольных мужчин, что позволяют

своим любовницам руководить собой. Так что вы ничего не приобретете.

– Но вы ведь сами говорили, что хотите меня, – изобразила растерянность я.

– Я говорил, что не буду против, – поправил он. – Но только если вы сами того пожелаете. Я не собираюсь вас принуждать. Для меня никакого удовольствия в том, чтобы брать женщину помимо ее воли. А вы пока не готовы – я чувствую это.

Какой пронизательный! Впрочем, с его опытом это как раз неудивительно. Но мне все-таки удалось убедить его, будто я запугана до такой степени, что готова добровольно разделить с ним постель.

– Если вас это утешит, милая моя Рина, – улыбнулся Благодатный, – то я действительно буду рад, если однажды вы сами придете ко мне. Вот только не стоит пытаться подкупить меня подобным образом.

Я опустила голову в надежде, что Франц не разглядит выражение моего лица. Пусть лучше считает меня сломленной и на все готовой девицей, чем догадается о том, что я испытываю к нему на самом деле.

– Меня скоро выпустят отсюда?

– А разве вам здесь плохо? – деланно удивился собеседник. – Чувствуйте себя моей гостьей.

Немного поколебавшись, я решила, что некоторая настойчивость не вызовет подозрений.

– И все-таки я хотела бы знать, когда вы меня освободите. Понимаете, я бы хотела проверить свой банковский счет, снять себе жилье, нанять прислугу, купить новые платья.

Я не смотрела на Благодатного, но очень надеялась на то, что он верит моим словам. Да и я действительно собиралась выполнить все перечисленное, вот только первоочередная задача была совсем иная.

– Еще вам необходимо предстать перед королем, – заметил глава Храма. – Я договорюсь об аудиенции, но предварительно желал бы услышать, что именно вы ему расскажете.

Я подняла взгляд.

– Как что? Разумеется, я расскажу ему правду. Год был голодный, потому вспыхнул крестьянский мятеж. Мне чудом удалось спастись. И я очень благодарна его величеству, что он послал войска в Лерой.

А если его величество не совсем идиот, мысленно закончила я, то он обязательно задастся вопросом, каким это образом урожайный год внезапно оказался голодным.

Как вскоре оказалось, Благодатного тоже заинтересовала эта странность.

– Подскажите-ка мне, милая моя Рина, что именно не уродило в Лерое в этом году? Мне на ум приходит разве что виноград.

– А еще персики, дыни и гранаты, – огрызнулась я. – Словом, то, что на севере толком не растет. Назовите мне причину мятежа, и я ее озвучу королю. Как-то мне сложно предста-

вить сытых крестьян, которые осаждают замок щедрых землевладельцев.

– Ладно, – вздохнул Франц. – Действительно, это моя промашка. Завтра с утра вы будете знать все подробности. В конце концов, вас ведь не было в замке. Я уточню все и передам вам.

Я от злости так сильно сжала за спиной правую руку в кулак, что ногти больно впились в ладони. Разузнает он, как же! Сочинит – вот это будет вернее. Да и то, что мне придется остаться на ночь, тоже радости не прибавило. Деваться же, однако, было некуда, и мне пришлось согласиться.

Но покинуть столь гостеприимный приют мне удалось лишь через два дня. И надо было признать, что глава Храма подошел к вопросу нашего сотрудничества весьма основательно. Его люди сняли мне небольшой домик в квартале, где селились в основном зажиточные горожане, и даже подыскали служанку. Я сообразила, что ко мне приставили шпионку, и твердо решила выставить ее вон при первой же возможности.

– Если вы останетесь в столице, то, вероятно, захотите переехать, – сказал мне Благодатный. – Но сейчас лучше места для жилья вам не найти. Район тихий и благопристойный – именно то, что нужно одинокой девушке, не столь давно перенесшей невосполнимую утрату.

Я поблагодарила его и спросила, будет ли он захаживать

в гости. Промелькнувшее на лице Франца непередаваемое выражение позабавило меня, но его ответ лишил всяческого веселья.

– Не думаю, что это будет уместно, милая моя Рина. А вот вы могли бы являться в Храм для беседы со мной хоть каждую неделю. Никого не удивит, что я оказываю духовную поддержку несчастной сироте.

ЗАМОК ДЕЛЬ ЛЕРОЙ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

За окном бушевала метель, но в игровой было тепло и уютно. Потрескивало пламя за каминной решеткой, неяркая лампа освещала середину комнаты, позволяя углам тонуть в полумраке. Дети расселись прямо на ковре, слушая страшные истории старой няни. Джой была удивительной рассказчицей. События, случившиеся давным-давно – а то и вовсе придуманные – словно разворачивались перед глазами слушателей, а персонажи старых легенд оживали. Впечатлительные девочки после некоторых рассказов требовали не гасить в их спальне свет и непременно просили прислугу заглянуть под кровати и в шкафы, чтобы проверить, не притаились ли там чудовища.

– И тогда пришли они, порождения Сумрака, сметавшие все на своем пути и нагонявшие страх на всякого, кто их увидел, – Джой зловеще понизила голос и уже почти шептала. –

И потемнело небо, и скрылось солнце, и свет Искры не озарял более наши земли, отданные на откуп нелюдям.

Инесс вздрогнула. Губы ее искривились так, что стало ясно – девочка с трудом сдерживает слезы. Арман положил руку ей на плечо.

– Не бойся, – покровительственно заявил он. – Это всего лишь страшная сказка. Не так ли, Джой?

– Коли желаете посчитать мой рассказ небылицей, – поджала губы Джой, – то воля ваша, молодой господин. Я всего лишь передаю то, что некогда сказывала мне матушка, а той – ее матушка, а той...

– Все ясно, – со смехом перебил ее Мартин. – Это ваша семейная легенда.

Джой неодобрительно покачала головой. Все-таки ребяташки не воспринимают ее истории всерьез, хотя она рассказывает только правду. Впрочем, если бы ее рассказы дошли до ушей хозяйки, то за такую правду Джой могла бы получить немало неприятностей в благодарность. Господа считали, что незачем пугать детей страшными историями, но у старой няньки было свое мнение на сей счет: чем раньше узнают, тем лучше. А то у многих выветрились из памяти события давних времен, и Сумеречных нынешнее поколение считает едва ли не выдумкой. Нехорошо это, ох, нехорошо. Об опасности след помнить всегда – и быть начеку. Так говорила Джой ее матушка, а уж она-то попусту слов не бросала.

Инесс доверчиво прижалась к Арману. Огромные голубые

глаза с надеждой заглянули мальчику в лицо.

– Это все было понарошку, да? Не на самом деле?

– А если даже и на самом деле, – горячо воскликнул Арман, – я всегда смогу тебя защитить! Вот!

Малышка Северина бросила на него ревнивый и обиженный взгляд: все-таки Арман – ее старший брат, а вовсе не Инесс, и защищать должен в первую очередь сестру, а не эту кривляку!

– И потом, нас от Сумеречных отделяет Черта, – рассудительно заметила старшая из девочек, Аннет. – Порождения Мрака не могут ее пересечь. Черта напитана Светом, и сам Благодатный ежедневно укрепляет ее своими молитвами. Пока храмы Света стоят на нашей земле, нам нечего бояться. Черта нерушима.

Арман бросил в сторону кухни рассерженный взгляд. Хрупкому белокурому мальчику очень хотелось походить в глазах Инесс на рыцаря из старинных легенд, оберегающего свою даму. А как прикажете ее оберегать, если никакая опасность ей не грозит? Но девочка все равно смотрела на него с восхищением.

– Ты правда заступишься за меня? – спросила она, будто и не слышала слов Аннет.

Арман кивнул и крепко сжал руку своей маленькой подруги.

– Обещаю. Рядом со мной ты в безопасности.

– Ну и зачем тебя понесло в Храм? – зло спросил Мартин.

– За защитой, – уныло ответила я. – Кому, как не служителям Света ограждать нас от Сумеречных?

Друг покачал головой.

– Знаешь, подобного поведения я еще мог бы ожидать от Аннет. Все-таки ее матушке удалось вбить в нее благочестие и слепую веру в могущество Храма. Но ты?

– Сглупила, – признала я. – Но я не знала, что мне делать. Тебя в столице не было, а мне казалось важным предупредить Благодатного. Хотя, если бы я дала себе труд подумать, то сообразила бы, что ему давно все известно.

Мартин сжал мою руку.

– Я выехал в Лерой сразу же, как только узнал. Но почему-то подумал, что найду тебя в замке. Мы разминулись на какой-то день. Я... – он сглотнул, – я был на погосте, Рина...

– Не надо, – перебила его я. – Не здесь. Не сейчас. Я знаю, что их всех упокоили должным образом – и довольно об этом.

Конечно, знаю. Я была там, я видела захоронения своими глазами. Но говорить об этом с другом детства было выше моих сил – слишком болели свежие раны.

– Хорошо, – покладисто согласился Мартин. – Давай о другом. Что ты намерена делать?

– Повидаться с королем. Уволить служанку-шпионку.

Сменить на всякий случай жилье. А дальше – видно будет.

– Выходи за меня замуж, – внезапно предложил друг.

От неожиданности я поперхнулась и закашлялась. Мы с Марином сидели в небольшом трактире возле рыночной площади. Сегодня рынок не работал, потому зал был полупустой, но привлекать к себе излишнее внимание нам все равно не хотелось, поэтому я не закричала, а прошипела:

– С ума сошел?

– Напротив, если ты поразмыслишь как следует, то поймешь, что действую я вполне обдуманно. И между прочим, себе во вред. Готов поставить фамильную шпату против разбитой кружки, что тебе очень скоро подберут подходящего супруга, причем он будет соответствовать вовсе не твоим ожиданиям.

– Да, Благодатный прямо говорил о том, каким лакомым куском являются мои земли, – согласилась я. – Так что ты, скорее всего, прав. Но выйти за тебя... Извини, но для меня это почти что инцест.

Мартин улыбнулся.

– Рина, не обижайся, но я тоже не могу смотреть на тебя, как на женщину. Потому-то и сказал, что этот брак будет своего рода жертвой с моей стороны. Но ради тебя я готов на все, что угодно.

– Спасибо, я ценю твою дружбу. Но пока еще не утратила надежду, что нам удастся обойтись без этого шага.

– Как знаешь, – Мартин очень старался, чтобы в голосе

его звучало разочарование, но полностью скрыть облегчение все-таки не смог. – Надеюсь, король не предложит тебе подходящую кандидатуру прямо во время первой встречи.

Я содрогнулась.

– С Благодатного станется, пожалуй, настроить Карла должным образом, – проворчала я. – Хотя я приложила все усилия, чтобы показать ему, насколько сломлена и покорна.

Вновь припомнился холодный липкий ужас, охвативший меня во время поцелуя. Я не обольщалась и прекрасно понимала, что обмануть главу Храма у меня вряд ли получится. Франц должен был почувствовать и мой испуг, и легкую брезгливость. И уверенность в том, что я все равно согласна стать его любовницей, стоит ему лишь захотеть. Я не была ему нужна, но он желал убедиться, что жертва готова во всем подчиняться ему. Удивительно, но мне все-таки удалось сыграть на опережение: стоило дать понять, что я пойду на близость, как Благодатный отказался от нее сам.

Делиться этими воспоминаниями с Мартином я не собиралась. Друг уже и без того узнал слишком многое.

– Зря я приехала в столицу, – грустно сказала я. – Надо было остаться в замке.

Мартин присвистнул.

– В одиночестве? Крестьяне возвращаются в свои дома, но к замку никто из них подходить не рискует. Как я понял из их рассказов, покойников хоронили солдаты короля под присмотром служителей Храма. Никто из местных не осме-

лилсь приблизиться к твоей семейной обители. Даже для того, чтобы что-нибудь украсть. Жители окрестных деревень именуют замок проклятым. Как, интересно, ты намеревалась там жить? Особенно если учесть, что лето уже закончилось. Ни тепла, ни еды у тебя бы не было.

В глазах на мгновение потемнело, а потом стены трактирного зала будто бы расплылись, и на их месте я увидела ряд грубо стесанных могильных камней с высеченными на них родными именами. Именами тех, кого я любила, с чьей потерей никак не могла свыкнуться. Себастьян Этьен дель Лерой и его супруга Тамалия Августина, Арман Себастьян дель Лерой и Инесс Каталина дель Арно, Аннет Мариана дель Лерой и Джой Ферн... Все они остались там, в сырой от осенних дождей земле: родители и старший брат, давно выросшая девочка с голубыми глазами, которую Арман так и не смог защитить от врагов, несмотря на давнее обещание, зануда-кузина и пугавшая детей страшными историями старая няня, а еще многие другие, к кому я тоже была привязана. Конюх, моя горничная, двоюродная тетушка Клод... Все они покинули меня навсегда. Я сморгнула слезы, и стены трактира вернулись на место, а старый погост растаял.

– Я могла бы поселиться в ближайшем городке, – глухим голосом ответила я. – У меня есть деньги, те, что держали родители в столичном банке, но это не главное. Никто так и смог обнаружить вход в тайник. Ценности, которые хранились в замке, конечно, разграбили – не знаю, Сумеречные,

солдаты или служители Света. Но настоящую сокровищницу они не обнаружили.

– И с твоей стороны, конечно же, весьма мудро будет дать понять всем заинтересованным, что уж ты-то знаешь, где вход, – язвительно произнес Мартин. – Чтобы тебя ограбили уже наверняка. Ты – легкая мишень, Рина. Во всяком случае, сейчас. Осиротевшая, незамужняя, беззащитная – вот как тебя воспринимают.

Я посмотрела другу в глаза.

– Что же мне делать, Мартин?

– Живи пока в том доме, что сняли для тебя служители Храма. После того, как попадешь на аудиенцию к королю, можешь переехать в мой дом. Главное, не забудь всем, включая Карла, сообщить, что это я настоял на переезде. Можешь объявить меня своим женихом, помолвка – еще не свадьба. У тебя траур, так что никто не удивится. Кстати, на траур же ссылайся, если король вдруг вздумает завести с тобой разговоры о твоей дальнейшей судьбе. Служанку увольнять не стоит. О ней ты точно знаешь, что она шпионка Благодатного. Все равно глава Храма не оставит тебя без своего пристального внимания, так что пусть у нас будет уже вычисленный осведомитель. Своим слугам я доверяю, насколько это возможно – лишнего они при ней не скажут. И никогда, ни при каких обстоятельствах никому не проговорись, что тебе известно о семейном тайнике. Договорились?

Я кивнула. После разговора с другом детства я будто ощу-

тила, как трескается и тает лед, сковавший все у меня внутри. Я снова почувствовала себя живой. Было больно, было горько, но я вновь могла дышать и не существовать, а жить. В этой новой жизни у меня пока не было цели, но зато имелась поддержка и опора – крепкое плечо друга.

При первом же визите в королевский дворец я поняла, что на поддержку Карла рассчитывать не стоит. Он, разумеется, выразил мне соболезнования и велел обращаться к нему за помощью, если мне вдруг что-либо потребуется, но я не обольщалась. Все время аудиенции меня не покидало ощущение, что король никак не может дождаться, пока докучливая гостья наконец покинет его. Ни малейших признаков интереса не промелькнуло в темных глазах. Один раз Карл, будто забывшись, принялся накручивать на палец каштановую прядь, но быстро спохватился.

– Здесь всегда будут рады дочери Себастьяна дель Леррой, – сказал он мне на прощание. – Пусть ваш отец и редко навещался в Артинию, предпочитая родовой замок, а вашего брата я и вовсе видел лишь дважды, но мужчины вашего рода навсегда останутся в моей памяти образцом мужества и добродетели. Смею надеяться, что ваш будущий супруг не посрамит честь семьи, наследником коей ему предстоит стать.

– Я тоже на это надеюсь, ваше величество. Но пока еще рано говорить о браке. Я намерена соблюдать траур.

Взгляд Карла равнодушно скользнул по моей фигуре.

– Весьма похвально, – одобрил он. – Знаю, что нынче далеко не все молодые люди стремятся соблюдать старые обычаи. Я ни в коем разе никого не осуждаю, но ваше решение всецело поддерживаю.

– И мой жених полностью согласен со мной, ваше величество, – ввернула я, сочтя случай удобным для того, чтобы упомянуть о фиктивной помолвке с Мартином.

Но мой якобы жених заинтересовал короля еще меньше, чем мои злословия. С трудом выдержав положенное по дворцовому протоколу время, Карл распрощался со мной. И мне почудилось, что на лице его промелькнула улыбка.

ТРИ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

– Северина, дорогая, я так рада, что вы пришли! – Матильда Дорен, пышная громогласная брюнетка лет пятидесяти, заговорщицки подмигнула мне. – Признаться, обычно на чаепитиях у ее высочества смертная скука! Хоть вы меня развлечете.

И дама улыбнулась мне столь обаятельно, что я даже не смогла обидеться на ее слова.

– Боюсь, я не подхожу на роль придворного шута, – все-таки я ответила колкостью, пусть даже и испытывала к Матильде необъяснимую симпатию.

Госпожа Дорен была особой эксцентричной. Одевалась

она в платья ярких тонов, на шею неизменно носила лорнет на золотой цепочке и имела раздражавшую собеседников привычку во время разговора то и дело подносить его к глазам и внимательно разглядывать окружающих. Матильда была резка и остра на язык ("Я говорю лишь то, что думаю, лицемерить не в моих привычках!"), и многие из ее высказываний переходили из уст в уста. К робким девицам она относилась со снисходительным презрением, зато к тем, кто давал ей отпор, питала самые теплые чувства. Сейчас она расхохоталась и склонилась ко мне.

– Сегодня вам лучше держаться меня, дорогая. Пожаловала старая ведьма Изабелла – сами знаете, она мечтает женить поскорее своего сына. Или вы готовы битый час выслушивать, как она восхваляет своего драгоценного Фернана?

Госпожа Изабелла была ровесницей Матильды и вместе с тем – полной ее противоположностью. Хрупкая невысокая блондинка говорила тихим нежным голосом, смеялась чарующим хрустальным смехом и уверенной рукой управляла доставшимся от покойного супруга состоянием. Главной любовью Изабеллы был ее сын Фернан, флегматичный одутловатый молодой человек, которого матушка надумала выгодно женить. Поскольку я в ее глазах являлась одной из кандидаток в невестки, то мне уже неоднократно пришлось выслушать подробнейшие рассказы о многочисленных добродетелях ее ненаглядного сыночка. Разумеется, от Изабеллы я предпочитала держаться подальше.

– Я не горю желанием выслушивать оды Фернану, – усмехнулась я. – А какие сегодня предполагаются развлечения?

Вопрос мой не был праздным. Ее высочество принцесса Каролина, тетушка короля, считала своим долгом предлагать для увеселения приглашенных дам разнообразные забавы, к сожалению, как правило, невыносимо скучные. Например, в прошлую пятницу устроили песенный конкурс, а в позапрошлую – игру в шарады. Задумка была, наверное, неплохой, но принцесса распорядилась, чтобы все задания были связаны с книгой Света, а представленные сценки непременно были поучительными. Мне эти события в лицах пересказала Матильда, поскольку на чаепитиях ее величества я еще не присутствовала, отговариваясь по совету Мартина трауром. Но принцесса оказалась настойчива в желании "развлечь бедняжку", и мне пришлось принять очередное приглашение. Оставалось надеяться, что сегодня гостей не заставят петь романсы или загадывать загадки.

– Как? – Матильда округлила глаза. – Разве вы не слышали? Во дворец прибыл известный путешественник, Пабло дель Фиоре. Разумеется, все будут обсуждать его персону и составлять список вопросов.

– Путешественник? – заинтересовалась я. – Я раньше не слышала об этом Пабло.

– Неудивительно, дорогая, вы ведь жили в глуши, – с самой приятной улыбкой заявила Матильда. – Но, между нами, Пабло куда больший сочинитель, нежели путешественник.

Он любит описывать свои приключения и давно уже обещает издать свои записки. Сдается мне, что правды в его опусе едва ли наберется на несколько страниц. Зато большинство придворных дам от него прямо-таки в восторге. Такой молодой! Столько повидал! Знает такие интересные подробности о жизни разных народов!

Ответить я не успела – наш диалог с Матильдой прервала ее высочество, сухощакая седовласая невысокая женщина со строгой прической.

– Северина, дитя моя, как я рада вас видеть! Жаль, что вы ранее не появлялись при дворе. Хотя, должна заметить, это несколько странно для столь очаровательной юной девушки, ведь ваша семья могла бы себе позволить... Простите, – осеклась Каролина.

Я через силу улыбнулась ей.

– Я просто счастлива посетить чаепитие у Вашего высочества.

Действительно, отчего родители не стали искать мне жениха среди придворных? Раньше я не задавалась этим вопросом, но теперь мне стало интересно. С Инесс и Аннет все было понятно: первая была невестой Армана, а вторая собиралась посвятить себя служению Свету, невзирая на неодобрение семьи. Но я? Увы, задать этот вопрос я никому не смогу.

– Сегодня мы будем заниматься подготовкой воскресного вечера, – оживленно заговорила Каролина, стараясь сгладить

неловкость. – В воскресенье я планирую пригласить особых гостей.

– Мужчин, – вставила Матильда. – Действительно из ряда вон выходящее событие, поскольку представители иного пола крайне редко разбавляют кудахтающую компанию наших дам на ваших приемах.

Принцесса бросила на нее неодобрительный взгляд, но то, что не простили бы никому другому, госпоже Дорен сходило с рук с удивительно легкостью. Достаточно было одной открытой улыбки, радостно-невинной, столь контрастирующей с ядовитыми словами, чтобы нахмуренное лицо Каролины вновь разгладилось.

– Кстати, дорогое дитя, – внезапно вспомнила принцесса, – Благодатный очень беспокоится о тебе. Он как раз говорил мне об этом сегодня утром.

Я стиснула зубы покрепче.

– Загляни в Храм на днях, – посоветовала мне Каролина. – В беседе с Благодатным ты найдешь утешение.

Матильда громко хмыкнула. Он не являлась чрезмерно религиозной особой, но открыто подшучивать над главой Храма все же не рискнула. А я узрела очередную опасность: ко мне направлялась Изабелла.

Вопреки данной ей Матильдой характеристике, Изабелла не выглядела ни старой, ни ведьмой. Не знай я, кто из трех окружающих меня женщин является принцессой, указала бы на нежную блондинку в воздушном сиреневом платье, обла-

дательницу горделивой осанки и ослепительной улыбки.

– Северина! – пропела она. – А я хотела вас пригласить на прогулку. Завтра, например, вы свободны?

Матильда закатила глаза. У меня не было ни малейших сомнений, что на прогулке к нам "абсолютно случайно" присоединится Фернан, а его матушка внезапно вспомнит о том, что ее ждет неотложное дело.

– Увы, но завтра я никак не могу, – с искренним сожалением сказала я. – У меня запланирована встреча.

И об этой встрече я узнала только что. Раз уж Благодатный столь желает меня видеть, то придется идти в Храм. Прогулка с Фернаном действительно выглядела гораздо более предпочтительно.

Изабелла уже открыла рот, собираясь предложить прогулку в другой день, но тут вмешалась Матильда.

– Так, значит, в воскресенье мы будем лицезреть этого прощельгу-путешественника и новомодного поэта. Пойдемте, Северина, я расскажу вам об этих личностях подробнее.

И она, вцепившись в мою руку, направилась к чайному столику, потянув меня за собой, словно на буксире. Изабелла успела только растерянно посмотреть нам вслед.

– Ну вот, – понизив голос, сказала Матильда, – можете быть мне благодарны. Я избавила вас от общества ненормальной мамы сына на выданье.

Характеристика меня позабавила.

– Спасибо, Матильда. Так что интересного вы собирались

мне рассказать о гостях ее высочества?

Собеседница рубанула ладонью воздух.

– Ничего! О них совсем нечего рассказывать. Если Пабло Фиоре еще может представлять из себя хоть что-то забавное – но он о себе все скажет и без моей помощи – то Арамеус, от которого в таком восторге придворные куры – абсолютное ничтожество. Сами увидите. Сочинитель слащавых стишат. "Твоя любовь – как роза на морозе", – скривившись, передразнила она поэта. – Редкостное занудство. Но местная публика обожает его еще сильнее, чем Фиоре.

В целом чаепитие прошло довольно мило. Собравшиеся дамы обсуждали путешественника и поэта, оживленно строили планы на воскресный вечер и даже умудрились втянуть меня в беседу. Язвительные реплики Матильды, которые она вставляла время от времени, немало забавляли меня. И если бы не висевший надо мной тяжелым камнем завтрашний визит в Храм, я бы сказала, что приятно провела время.

Храм Света располагался на холме, возвышаясь над городом. В прошлый раз я попросила отвести меня сразу к Благодатному, не заходя в молельный зал. Теперь же я первым делом прошла к алтарю. Ослепительно-белое пламя ярко полыхало, бросая причудливые блики на мозаичные стены с изображениями Искры. Золотая ограда не подпускала посетителей слишком близко к огню. В полдень в Храме почти не было молящихся. Лишь две пожилые женщины устанав-

ливали на жертвеннике корзинки с цветами, да совсем молоденькая заплаканная девушка опустилась на скамейку для молитвы и что-то беззвучно шептала, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Я шагнула к соседней скамье, но меня остановил служитель.

– Госпожа дель Лерой?

– Да.

– Прошу вас следовать за мной.

На сей раз меня пропустили в кабинет Благодатного без задержки. Секретарь склонился в поклоне и осведомился, не желает ли уважаемая гостья угоститься горячим имбирным чаем. Памятуя о том, сколь странное в Храме представление о гостеприимстве, я отказалась: в напиток можно подлить любое зелье.

– Рина, милая моя, – заговорил Благодатный с легким сожалением в голосе, – отчего вы так долго не навещали меня? Совсем позабыли обо мне?

Я потупилась.

– Простите, у меня было столько дел. Встреча с королем, представление ко двору, переезд. Мне жаль, если я разочаровала вас.

Франц нахмурился.

– Вот, кстати, о вашем переезде я тоже хотел бы поговорить. Вы не находите сложившуюся ситуацию несколько неприличной?

Я широко распахнула глаза и спросила как можно более

невинным тоном:

– Но что неприличного можно найти в переезде к родственникам?

– Насколько я знаю, – саркастически сказал Благодатный, – Мартин дель Ровье вашим родственником не является.

– Мартин? Нет, я переехала к тетушке Корделии, вдове моего троюродного дяди. То, что она живет вместе со своим внучатым племянником – просто случайность. Или, – я испуганно ахнула и округлила глаза, – вы полагаете, что кто-то может подумать о нас дурно?

Крыть Благодатному было нечем. Действительно, присутствие семидесятивосьмилетней тетушки, да еще и связанной со мной родственными узами, позволяло мне беспрепятственно поселиться у Мартина и не бояться осуждения. И даже то, что Корделия редко покидала отведенные ей покои, дела не меняло. Старушка увлекалась вышиванием и днями напролет сидела за пальцами. Удивительно, но зрение у нее сохранилось просто превосходное. На еду Корделия отвлекалась с неохотой, предпочитая завтракать и обедать у себя, не отходя далеко от драгоценных вышивок. На ужин она спускалась в столовую, но с нами почти не разговаривала, рисуя вилкой на салфетке причудливые узоры-наброски. Мартин на всякий случай постарался еще и распусть слухи о нашей якобы помолвке, но особого резонанса в обществе они не вызвали. А некоторые особы, например, Изабелла, желав-

шая обзавестись состоятельной невесткой, упорно эти слухи игнорировали. Так что Мартин мог бы и не стараться.

– Как прошла аудиенция у короля? – сменил тему Благодарный.

– О, его величество был весьма любезен. Он выразил мне свое сочувствие и пообещал всяческую поддержку. Я весьма благодарна его величеству за проявленное ко мне внимание.

В действительности встреча с Карлом оставила у меня странное впечатление. Казалось бы, король просто уделил необходимое внимание абсолютно неинтересной для него посетительнице. Первое время именно так я и воспринимала свой визит – как дежурную аудиенцию. Но с каждым днем во мне крепло ощущение, что нечто важно ускользнуло от моего внимания. Я вызывала в памяти облик Карла: удлиненное лицо, не лишенное привлекательности, темно-карие глаза, узкие губы, изящные пальцы, то накручивающие прядь каштановых волос, то вертящие золотую ручку, скучающий взгляд. Казалось, король слушал мои слова невнимательно. И все же... Отчего-то во мне поселилась странная уверенность, что во время традиционного визита произошло нечто важное, такое, что повлияет на всю мою дальнейшую жизнь. Вот только что? И я злилась, не находя ответа на этот вопрос. Называла себя мнительной особой, которой мерещатся зловещие тени в каждом темном углу, но успокоиться и выбросить тревогу из головы никак не могла.

– Что же, это, несомненно, хорошо. Но насколько мне из-

вестно, вы почти не бываете при дворе, не так ли, милая Рина?

– Мне все еще слишком тяжело дается посещение тех мест, где люди в основном смеются и радуются, – прошептала я.

Конечно, в королевском дворце в основном не предавались веселью, а интриговали и сплетничали, но поправлять меня Благодатный не стал. Он кивнул с сочувственным видом и задал следующий вопрос:

– А что вы намерены делать со своим замком?

– Простите? – удивилась я.

– Его надо бы привести в порядок. Если вы не возражаете, я пошлю людей для восстановительных работ. Впоследствии вы сможете нанять нового управляющего. Крестьяне уже вернулись в окрестные деревни. Насколько мне известно, там дома не пострадали.

Да, я видела это своими глазами: жилища крестьян Сумеречные не тронули, разрушив только деревенские храмы. Проезжая мимо обугленных развалин на площадях опустевших деревень, я в свое время немало этому подивилась. Появилось странное чувство, что нападали порождения Сумрака целеустремленно – на святилища и на замок. И еще одна странность: убитых не было ни в одной деревне. Спаслись все, включая священников. Тогда я подумала, что люди просто успели убежать и скрыться в лесах, но со временем во мне зародились смутные, толком еще не оформившиеся в

связные мысли подозрения.

– Я благодарна вам за предложение, – ответила я. – Но мне хотелось бы самой присутствовать при возрождении дома моего детства. Полагаю, где-то через месяц я буду готова вернуться в Лерой. И тогда смогу лично наблюдать за его восстановлением.

Если Франц и был разочарован моими словами, то вида он не подал, напротив, заверил меня, что месяц – достаточный срок, чтобы он нашел подходящих работников. Правда, я была уверена, что оные работники отыскались бы хоть через пять минут.

– Итак, я рад, что вы постепенно приходите в себя, – заключил мой собеседник, дождавшись, пока я закончу рассыпаться в благодарностях за проявленную заботу. – Ее высочество вчера упомянула, что вы наконец-то приняли ее приглашение.

– Ее высочество так добра ко мне! – с пылом заверила я. – Она позвала меня также и на завтрашний вечер, полюбоваться на местные достопримечательности: путешественника и поэта.

Благодатный ухмыльнулся.

– Вы их верно охарактеризовали, моя милая Рина. Именно что столичные достопримечательности: хвостун и сочинитель Фиоре и слащавый напыщенный шут Арамеус. Впрочем, Каролине они нравятся, так что пусть развлекается. Только не воспринимайте слишком серьезно рассказы Па-

бло. Его домыслы зачастую далеки от правды.

Я припомнила, что Матильда отзывалась о дель Фиоре подобным образом. Но зачем бы Благодатному предостерегать меня от излишней доверчивости? Или же это я стала слишком подозрительна и во всем ищу подвох, в то время как Франц просто поддерживает любезную беседу?

На прощание он, вопреки всем традициям, поцеловал мне руку. Перевернул ладонью вверх и на несколько долгих томительных секунд прижался к запястью горячими губами. И вот уже второй раз подряд я покидала Храм с бешено колотящимся от страха сердцем и нежеланием когда-либо возвращаться. Увы, это стремление было неосуществимым.

В голубой гостинной ее высочества царило радостное оживление. Дамы сбились в небольшие стайки, перешептывались, посмеивались и бросали любопытные взгляды на гостей, беседующих с хозяйкой. Я тоже то и дело исподтишка поглядывала на путешественника и поэта: слишком уж забавно они смотрелись рядом, изящный белокурый манерный Арамеус с тщательно завитыми локонами и широкоплечий Пабло дель Фиоре с прямыми темными волосами, перехваченными черной лентой на затылке. Даже одежда их разительно отличалась: на поэте был лазурный костюм, расширенный золотой нитью и мелким жемчугом, а на путешественнике – скромное темное одеяние.

– Попугай и ворон, – прокомментировала внешность го-

стей Матильда.

Я хихикнула, прикрывшись веером. Действительно, какое-то неуловимое сходство с упомянутыми птицами прослеживалось даже в манере поведения: Арамеус суетился, то и дело перемещался с места на место, постоянно жестикулировал и что-то рассказывал ее высочеству, а Пабло стоял почти неподвижно и смотрел на собеседников, слегка склонив голову влево.

Изабелла нарезала круги поблизости от нас с Матильдой, точно хищная рыба, учуявшая кровь.

– Дождидается, пока я вас покину, – пояснила госпожа Дорен. – Сегодня мы с ней уже виделись. Я была несколько не в духе, так что теперь карга опасается приближаться ко мне.

Я уже знала, что вражда Изабеллы и Матильды длится более двадцати лет, но что именно послужило ее причиной, выяснить достоверно мне так и не удалось. Сплетники говорили разное: и что дамы поссорились, появившись на Зимнем балу в одинаковых платьях, и что они не поделили некоего мужчину, и что Матильда нелестно высказалась в адрес Изабеллы при самом короле Кире, ныне покойном отце Карла. Сама Матильда о причинах давней размолвки не заговаривала, а спрашивать у Изабеллы я не собиралась.

– Тогда, пожалуй, я буду держаться вас весь вечер, – сказала я. – Не хочу, чтобы Изабелла вцепилась в меня клещом.

И ближайшие полчаса не отходила от Матильды, но потом ее подозвала к себе Каролина. Поскольку слащавый кра-

савчик Арамеус все ее стоял рядом с принцессой, госпожа Дорен состроила страдальческую гримасу, но послушаться ее величества не осмелилась и с неохотой отошла от меня.

– Вам здесь скучно, не так ли? – раздался незнакомый низкий голос с хрипотцой за моим плечом.

Я даже не сразу поняла, что незнакомец обращается ко мне. А повернувшись, обнаружила неслышно подошедшего Пабло. Уголки его губ едва заметно приподнимались в улыбке, в темно-серых глазах плясали насмешливые искорки.

– Спорим на любую ценность из моей коллекции, что вам надоело это сборище?

– Похоже, вы сами от него не в восторге, – парировала я.

Путешественник театрально вздохнул.

– Что поделатъ, при моем образе жизни приходится поддерживать хорошие отношения с теми, кто близок к вершинам власти. Было бы очень неудобно, если бы в один прекрасный день мне запретили выезд из страны, например. Или наложили по надуманной причине арест на мое имущество, пока я нахожусь в экспедиции. Да мало ли как можно усложнить жизнь человеку, если имеются и желание, и возможности. И даже сейчас я в невыгодном положении.

– О чем вы? – не поняла я.

– Моя прекрасная собеседница явно знает, кто я такой и чем занимаюсь. А вот я даже не подозреваю, с кем имею честь беседовать.

– Это легко исправить. Мое имя назовет вам любая из

присутствующих здесь дам.

– Тогда избавьте меня от напрасных хлопот и назовите его сами.

Его нахальство, больше подходящее мальчишке, нежели взрослому, умудренному опытом путешественнику позабавило меня.

– Почему нет? Меня зовут Северина Леонора дель Лерой.

– Дель Лерой, – задумчиво повторил Пабло. – Я слышал о вашей трагедии. Примите мои соболезнования.

Я слегка наклонила голову.

– Кстати, у меня имеется одна вещь, которая могла бы вас заинтересовать, госпожа дель Лерой. Если пожелаете, мы могли бы обсудить этот вопрос.

Вся моя симпатия к Фиоре мгновенно улетучилась, на смену ей пришло глухое раздражение.

– Вы желаете мне что-то продать?

– Нет, вы меня неверно поняли. Я и сам не захотел бы расстаться с той вещью, о которой упомянул. Это старинный манускрипт, который попал мне в руки весьма загадочным образом, и я им дорожу.

– Тогда зачем вам понадобилось показывать его мне?

– Не просто показывать, госпожа дель Лерой. Я мог бы одолжить его вам на несколько дней.

Мне уже изрядно надоели загадки, из которых, казалось, теперь складывалась вся моя жизнь. Я посмотрела Пабло в глаза и отчеканила:

– Либо вы прямо говорите, что вам нужно, либо мы немедленно прекращаем этот глупый разговор.

– Я привожу из своих поездок разные диковинки, госпожа дель Лерой, – мягко ответил Пабло. – И однажды у меня в руках оказалась старинная рукописная книга. Это длинная история, если вы не возражаете, то ее я расскажу вам позже. Все равно долгой беседы у нас сейчас не получится, поскольку скоро кто-нибудь обязательно вклинится в наш разговор. Могу сказать только, что в этой книге описывается история возникновения Черты и упоминается ваша семья. Если вас заинтересовало мое предложение, то мы можем встретиться завтра.

– Хорошо, – решила я. – Завтра утром, возле рыночной площади. Там есть трактир "Три гуся", где мы вряд ли встретим кого-либо из светских особ. И еще – я приду не одна.

Фиоре слегка поклонился.

– Как вам будет удобно. Надеюсь только, что ваш спутник окажется достоин оказанного ему доверия.

Тут, как и предполагал Пабло, наш разговор прервали бурные аплодисменты. Оказывается, Арамеус согласился прочесть отрывок из своей новой поэмы, и дамы, шурша платьями, поспешили рассестись по стульям и кушеткам. Рядом со мной оказалась Изабелла и потянула меня за руку к ближайшей софе.

– Присоединяйтесь к нам, господин дель Фиоре, – промурлыкала она. – Здесь как раз хватит места на троих.

Пабло чинно уселся рядом со мной и преувеличенно внимательно уставился на Арамеуса. Поэт принял картинную позу, слегка отставил в сторону левую ногу, прижал правую руку к груди, поднял взгляд к потолку и начал:

– Что есть любовь? – И боль, и вдохновенье,
И радости мерцающий туман,
И каждое чудесное мгновенье,
Что делится отныне пополам.

Пабло подозрительно закашлялся, я закусила губу. Изабелла взирала на поэта с равнодушным видом, Матильда, сидящая у окна, открыто ухмылялась. Большинство же разновозрастных дам с трепетным волнением внимали той чуши, что нес Арамеус.

– И звездами расчерченная ночь
Пусть примет нас в нежнейшие объятья,
И не дадим мы удалиться прочь
Мгновеньям ослепительного счастья.

Вещал поэт на редкость вдохновенно: то раскидывал руки, будто обнимая благодарную аудиторию, то прижимал ладони к груди, закатывал глаза, картинно вздыхал. Плечи Пабло тряслись от беззвучного хохота, да и я изо всех сил сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

– И что они все находят в этом позере? – слегка повернув голову, шепнула я.

Конечно, мой вопрос могла слышать и Изабелла, но меня это волновало мало.

– Фактура, – едва слышно ответил Пабло. – Локоны, подвитые ресницы, голубые глаза, жемчужные зубы, стройная фигура. Представьте, что подобные, с позволения сказать, поэмы читал бы низкорослый толстячок с залысинами. Да эти же дамы брезгливо морщили бы тогда свои припудренные носики.

Я вынуждена была согласиться: внешность Арамеуса явно работала ему на пользу. Вполне возможно, что восторженные почитательницы даже не вникали в смысл произносимых им фраз.

– Приди ко мне, прекрасное виденье,

И дай мне насладиться красотой,

О Света наилучшее творенье...

Декламацию прервали резкие хлопки.

– Бесподобно! – язвительно произнесла Матильда. – Арамеус, на сей раз вы превзошли себя. Какая неповторимая чушь!

Дамы неодобрительно загудели. Я не сдержалась и все-таки прыснула со смеху, догадавшись прикрыться веером – слишком уж забавное выражение лица сделалось у поэта. Он явно не был готов к подобной реакции на свое творение.

– Как грубо, – прошипела Изабелла мне в ухо. – Все-таки эта Дорен – на редкость вульгарная особа.

Как ни тихо она говорила, но чуткий слух Пабло уловил ее слова.

– Однако же она выразила и ваши мысли, не так ли? –

проницательно спросил он. – Вы ведь тоже далеко не в восторге от поэзии Арамеуса?

– Я, во всяком случае, не озвучиваю свое мнение, – с видом оскорбленного достоинства процедила Изабелла.

Пабло слегка склонил голову.

– Действительно, и как я не заметил? Нижайше прошу прощения.

Впервые на моей памяти Изабелла растерялась. В раскаяние Фиоре она точно не поверила, и я была уверена, что дама желает съязвить в ответ. Но знаменитый путешественник был обласкан высочайшей семьей, а Изабелла, как женщина деловая, не желала портить отношения с ее высочеством из-за ерунды. Я видела, как она колеблется между желанием достойно ответить на выпад и разумной необходимостью промолчать. Наконец прагматичность взяла верх, и Изабелла кисло улыбнулась.

– Вы такой шутник, господин дель Фиоре, ха-ха! – натужно выдавила она. – Кстати, вы случайно не знакомы с Фернаном, моим сыном?

– Случайно нет, – с любезной улыбкой ответил Пабло. – Если я не ошибаюсь, он не учился в Университете.

– Мой сын получил домашнее образование. Превосходное, наилучшее домашнее образование! – возмущенно заявила Изабелла. – У него были отличные преподаватели! Фернан – весьма образованный молодой человек!

– Разумеется, – равнодушно бросил Фиоре. – Иначе и

быть не могло. Прошу меня извинить.

И он поднялся на ноги, давая понять, что разговор закончен. А я застыла, пораженная внезапной догадкой. И Арман, и Мартин окончили Королевский Университет. И вполне могли быть знакомы с Пабло, пусть он и был несколькими годами старше. Непременно надо нынче же расспросить Мартина о моем новом знакомом!

– Нет, я лично с Фиоре знаком не был, – с сожалением признался Мартин, разливая вино по бокалам. – Он уже окончил Университет, когда мы с Арманом только поступили на первый курс. Но о нем среди студентов ходили самые настоящие легенды.

– Даже так? – удивилась я.

Тетушка Корделия привычно вырисовывала узоры на салфетке и, казалось, вовсе не прислушивалась к нашему разговору. Тем удивительнее стала ее реплика.

– Семья Фиоре всегда славилась безрассудностью, – задумчиво сказала она. – Говорили, что старик Энрико Фиоре украл свою Пилар прямо из Храма – она должна была выйти замуж за другого. Шума та история наделала много, о ней вспоминали еще долгие годы. Ваш Пабло, как я понимаю – правнук Энрико. Авантюризм у него в крови. У Энрико и Пилар было три сына, с младшим я водила близкое знакомство. Ах, какие безумства он совершал ради Милагры, моей подруги. Засыпал улицу перед ее особняком цветами, пел по

ночам под ее балконом о любви – и ему вторили все окрестные псы. Соседи Милагры его ненавидели.

– А она ему отказала, да? – предположила я.

– Почему же? Она вышла за него замуж. Через три года он сбежал от нее в пограничный отряд. Сказал, что даже вероятность встречи с Сумеречными предпочтительнее ежедневного созерцания кислой физиономии жены. Видите ли, дорогие мои, выйдя замуж, Милагра принялась пилить супруга и требовать, чтобы он вел себя как подобает человеку приличному. Можно подумать, приличный человек стал бы распевать по ночам в тихом квартале, мешая спать законопослушным горожанам, – фыркнула тетя.

Мартин расхохотался.

– Да, забавная семейка. А Пабло, судя по рассказам, достойный потомок столь оригинальных личностей. История о том, как он разыграл одного из профессоров, внушала нам едва ли не благоговение. Представляете, он нанял продажную... Простите, тетя, я забылся.

– Ты что-то сказал? – подняла на него ясные голубые глаза вновь вернувшаяся к рисованию Корделия.

Но несмотря на мнимую глухоту тетушки, пересказывать неприличную историю Мартин не стал.

– Он пообещал показать мне некий манускрипт, в котором упоминаются мои предки, – сообщила я. – Полагаешь, это тоже розыгрыш?

– Не думаю, – ответил Мартин. – Зачем бы Пабло тебя об-

манывать или подшучивать над тобой? Скорее всего, рукопись действительно существует. Я даже склонен считать, что она подлинная и что в ней действительно есть упоминания семьи Лерой. Вопрос в том, чего добивается Пабло? У него определенно есть какая-то цель.

– Продолжить знакомство со мной?

Друг окинул меня внимательным взглядом.

– Мне жаль разочаровывать тебя, Рина, но боюсь, что дело вовсе не в этом. Разумеется, ты могла понравиться Пабло, но тогда он не стал бы договариваться о встрече под столь странным предлогом. Фиоре всегда везло с женщинами – об этом я наслышан. А еще он согласился, чтобы ты пришла с другом. Нет, это точно далеко не любовное свидание.

К своему удивлению, я почувствовала легкий укол сожаления. Пабло был весьма привлекательным мужчиной, и мне льстила мысль о том, что он мог бы увлечься мною. Но Мартин, скорее всего, был прав.

– Ладно, – сказала я как можно более легкомысленным тоном, чтобы друг не догадался о моей настоящей реакции на его слова. – Завтра все узнаем. Думаю, Фиоре сам расскажет нам о том, зачем я ему понадобилась.

В рыночный день трактир был забит народом. Крестьяне, перекупщики, небогатые горожане переговаривались, смеялись, подзывали подавальщиц, переругивались, и их голоса сливались в общий оживленный гул. На нас с Мартином, оде-

тых в неприметные серые плащи, никто не обратил внимания. Пабло пришел чуть раньше, и мы не сразу обнаружили его за столом в темном углу. Как и мы, он был облачен в темную одежду, больше подошедшую бы небогатому купцу или зажиточному крестьянину. На столе перед Фиоре одиноко стояла кружка с пивом.

– Госпожа дель Лерой, – Пабло чуть привстал, когда мы подошли к нему. – Рад видеть.

– Пабло дель Фиоре – Мартин дель Ровье, – представила я мужчин друг другу.

К нам подлетела подавальщица, девица лет семнадцати с выбившейся из узла волос прядкой и с бисеринками пота на лбу, и поинтересовалась, что господа будут заказывать.

– Сегодня у нас восхитительное рагу из кролика, – сообщила она, глядя почему-то только на Мартина.

Мартин согласился на рагу и на пиво к нему – "три порции" – и девица унеслась по направлению к кухне.

– Итак, – сразу перешел к делу Пабло, – я обещал принести вам манускрипт. Вот он.

И Фиоре достал из сумки небольшой томик в переплете из выцветшей кожи. Вопреки моим ожиданиям, выглядела книга более чем скромно: ни позолота, ни инкрустации, ни даже тиснения не украшали ее обложку.

– Можно?

Я осторожно провела указательным пальцем по рыжеватой коже и внезапно почувствовала тепло, будто от встречи

со старым, полузабытым приятелем по детским играм. У меня появилось странное ощущение, что я давным-давно уже читала эту книгу и непременно вспомню ее содержание, стоит мне только открыть ее и пробежать глазами первые строки. Я так и поступила, но увы: никаких воспоминаний вязь старательно выписанных строк у меня не вызвала. "Было то время темное и смутное, и слухи доходили до нас самого поразительного свойства..."

– Сборник легенд? – скрывая разочарование, спросила я.

– Не совсем, – уклончиво ответил Пабло. – Но лучше бы вам прочесть ее в менее людном месте.

Я согласилась с его правотой и захлопнула книгу, испытывая непонятное сожаление.

– Фиоре, давайте говорить начистоту, – вмешался Мартин. – Чего вы хотите?

– От вас – ничего, – похоже, Пабло даже не задело несколько фамильярное обращение.

– А от Северины?

– Прежде всего – чтобы она прочла рукопись. А уж потом, если ей будет интересно, поговорим.

Мартин хотел еще что-то спросить, но я остановила его.

– Хорошо, поговорим потом. Скажем, через неделю?

– Согласен.

Больше беседовать нам было не о чем. Подавальщица принесла обед – довольно вкусный, надо сказать – с которым мы быстро расправились, после чего распрощались и покинули

трактир.

Мне не терпелось приступить к изучению рукописи. Вернувшись домой, я удалилась к себе и достала книгу. И только теперь заметила первую странность: ни на обложке, ни на титульном листе не было ни названия, ни имени автора. Вместо них записи предворяла картинка, изображавшая всадника в плаще. Я долго всматривалась в нее, и наконец мне показалось, будто изображение ожило. Я видела беззвездную ночь, слышала завывания ветра, замечала, как клонятся под его порывами верхушки деревьев. Всадник подался вперед. Он то и дело пришпоривал коня, опасаясь опоздать... Я моргнула, и наваждение исчезло. Остался не слишком четкий рисунок на желтоватом листе.

Я перевернула страницу и принялась разбирать причудливую вязь рукописных строк. Очень скоро мне стало понятно, что неизвестный автор описывает последний год войны с Сумеречными – время, о котором достоверных сведений почти не сохранилось. В Книге Света было сказано: "Неисчислимые рати сокрушали любые препоны и уничтожали дыхание жизни, и ужас шел впереди полчищ их. И создана тогда была Черта, пересечь кою порождения Сумрака не смели, и были Дети Света спасены". Вот и все. В детстве Сумеречные представлялись мне бесплотными темными фигурами высотой где-то в два человеческих роста. В их присутствии непременно становилось страшно, темно и холодно. Но кни-

га, которую я сейчас держала в руках, полностью развеивала мои детские представления.

Первое, что поразило меня – Сумеречные были людьми. Живыми людьми из плоти и крови, которых можно было ранить и даже убить. И их убивали – десятками и сотнями. Причина войны в рукописи не называлась, но потери с обеих сторон были огромные. На описании того, как воды приграничной реки окрасились багровым от пролитой крови, меня замутило.

Битвам и схваткам было посвящено около десятка страниц, а потом глаза выхватили знакомое имя. Алексия Лерой.

Именно ей, жене Георга, главы рода Лерой, принадлежала идея провести Черту. Поначалу ее подняли на смех, но ей удалось каким-то образом убедить служителей Света в том, что ее затея сможет увенчаться успехом. К тому же в войне как раз наступил переломный момент: Сумеречные оттесняли войска своих противников уже вглубь Лероя. Откуда черпали силы порождения Мрака – неизвестно, но каждый их воин стоил, пожалуй, десятка воинов короля. И пусть они тоже погибали в боях, и дым от погребальных костров заволакивал небо и закрывал солнце, но потери королевского войска были несоизмеримо больше. А сожженные поля и разоренные деревни предвещали Лерою голодную зиму. К тому же на стороне Сумеречных выступали некие таинственные силы, о которых автор манускрипта упоминал лишь намеками. Похоже, эти неизвестные союзники внушали ему куда боль-

ший ужас, нежели самые жестокие воины Сумрака.

Благодатный Эрих долго обсуждал с Алексией ее казавшийся безумным план, а ищейки Храма тем временем старательно добывали сведения о супруге Георга. Его женитьба на сироте из позабытого при дворе захудалого рода надела в свое время много шума. Брак был неравным, но Алексия вскоре покорила весь двор своим очарованием. Она была не просто красива – нет, юная госпожа Лерой обладала удивительным свойством согревать сердца и вызывать улыбки на лицах окружающих. "Истинное дитя Света," – умиленно говорил о ней Благодатный. И вот теперь, спустя почти два десятка лет, у главы Храма зародились сомнения. Слишком уж много знала Алексия о тех вещах, о которых далеко не каждому служителю ведомо. Ищейки направились в крохотный приграничный городок, где госпожа Лерой якобы провела свое детство, побывали на погосте, поговорили с горожанами и вернулись с неожиданными сведениями. Семья Монтре – родители Алексии и ее братья и сестры – действительно погибла при пожаре тридцать два года назад. Но младшая дочь, вопреки рассказам госпожи Лерой, не сумела чудом выбраться из горящего дома. Маленькая Алексия была похоронена вместе со своими родными и сейчас мирно спала под могильной плитой.

Эрих ни словом не обмолвился Алексии о своих подозрениях. Он не задал ни единого вопроса Георгу о его супруге. Но ищейкам были даны новые распоряжения. И теперь они

проверяли прошлое не только госпожи Лерой, но и ее супруга. И смогли выяснить, что Георг привез невесту из поездки в Приграничье. Никого из тех, кто сопровождал его, не осталось больше в Лерое, но для Храма не составило труда разыскать разъехавшихся по стране старых воинов. Ни один из них не отличался словоохотливостью, но ищейки славились умением развязывать языки. И вскоре Эрих знал многое – слишком многое.

А когда Черта все же была проведена, Алексии предъявили обвинение в связях с Сумеречными. Подобное каралось смертной казнью, но народ Лероя любил свою госпожу, и на открытый судебный процесс сразу после окончания войны, унесшей столько жизней, Храм не решился. Георгу и Алексии дали понять, что обвинение всегда будет висеть над их головами, и при малейшем недовольстве Благодатного их ожидает костер. Так отблагодарил Эрих род Лерой.

Уже давно стемнело, а я все смотрела на пожелтевшую страницу невидящим взглядом. История Алексии удивительным образом напомнила мне собственную. Что же раскопали ищейки? Вероятно, ответ крылся дальше, но мои глаза устали и с трудом разбирали причудливо выписанные буквы. А еще в манускрипте не было толком сказано о том, как именно была проведена Черта – а мне почему-то очень важным казалось узнать об этом. Пабло был прав – рукопись не просто заинтересовала, а захватила меня. И пока вопросов

было больше, нежели ответов.

В дверь постучали, сначала негромко, потом более настойчиво, а затем она приоткрылась, и в комнату заглянул встревоженный Мартин.

– Рина? Что-то случилось? Что за гадость тебе подсунул Фиоре?

– Ну почему сразу гадость? Довольно интересная история.

– И поэтому ты сидишь в темноте, позабыв про ужин? Кого ты пытаешься обмануть?

Я слабо улыбнулась и зажгла светильник.

– От тебя ничего не скроешь, Мартин. Но я не могу сказать, что рукопись расстроила меня. Скорее озадачила.

– Этот прохвост упоминал о твоих предках, – припомнил мой друг. – Эта книга действительно о них?

Я кивнула.

– Здесь действительно написано о Георге и Алексии дель Лерой. Я еще не успела все прочитать, но у меня ощущение, будто мой мир вновь рухнул. Алексию подозревали в связях с Сумеречными, представляешь? Автор намекает – да что там намекает, он почти прямо пишет об этом – будто в наш род влилась кровь порождений Сумрака.

– И ты поверила выдумкам неизвестного?

– Не знаю, – медленно произнесла я. – Я только чувствую, что мне надо во всем разобраться. В портретной галерее есть изображение Алексии – она была очень красива, но ничего зловещего в ее внешности я не припоминаю. Это от нее я

унаследовала цвет глаз. Волосы, правда, у Алексии были не светлые, а темно-рыжие.

– Разве красота – это преступление? Да и черный цвет глаз редкостью не является.

– Да, об этом я и говорю. Красивая женщина, покорявшая всех своим обаянием – разве это повод обвинять ее в страшном преступлении? Но Пабло ведь не просто так дал мне эту книгу, верно?

– А вот какие цели он преследовал – мы обязательно выясним, – зло пообещал Мартин. – Если понадобится, я готов выбить из него эти сведения. Так что он обязательно нам все расскажет.

Я сплю, и мне снится сон. Странный сон, яркий, необычный. Звуки, запахи, ощущение прохладного сырого ветра на разгоряченной коже – будто наяву. Я стою на холме у спящего осеннего леса, ветер трепет мои распущенные волосы и подол юбки, шуршит сухими опавшими листьями и гонит по небу рваные тучи. Круглая желтая луна то появляется и заливает холм призрачным светом, то вновь прячется за темные клочья облаков. Моя рука крепко сжимает какой-то небольшой предмет – так крепко, что я чувствую боль от впившихся в кожу острых граней. Холм, на котором я стою, огибает мощеная посверкивающим в лунном свете камнем дорога,

ведущая к мрачной темной громаде. Замок. И определенно не Лерой.

Там, во сне, местность кажется мне знакомой, привычной, но проснувшись, я не смогу припомнить, чтобы когда-либо бывала там наяву.

– Ты пришла, – удовлетворенно шепчет неведомый голос за моей спиной.

Я не оборачиваюсь – знаю, что никого не обнаружу.

– Я вернулась, – сообщаю невидимому собеседнику. – Вернулась за тем, что принадлежит мне. И я намерена забрать свое по праву.

И делаю шаг вниз по крутому склону.

Я даже не сразу поняла, что мне это все приснилось. И холм, и осенний лес, и резкие порывы холодного ветра, и черный замок казались реальностью. Я сжала кулак и сначала даже испугалась, не ощутив в ладони загадочного предмета. А потом вздохнула с облегчением: он тоже остался во сне. На мгновение меня кольнуло сожаление, что я не догадалась посмотреть, какую же вещицу столь крепко держала: это почему-то казалось мне очень важным. Но вскоре я только посмеялась над своей глупостью. Сон, скорее всего, был навеян прочитанной накануне историей, и лучшее, что я могла сделать – позабыть о нем. А та таинственная вещь, ко-

торуя я так боялась потерять, и вовсе не существовала. Просто рассказ о давно покойной Алексии изобилует загадками и тайнами, вот мне и приснился загадочный артефакт, которым я якобы дорожила.

Спать больше не хотелось, хотя еще не рассвело, и я зажгла светильник и притянула к себе манускрипт. Все-таки вчера мне удалось прочесть меньше половины, вдруг в оставшейся части обнаружится еще что-нибудь, связанное с моей семьей? Интересно, правда ли то, что черта была проведена с помощью Алексии? Ни разу прежде я не слышала об этом. Но если посчитать рассказ неизвестного автора правдивым, то я – потомок Сумеречных? Намеки на это были более чем прозрачны. Алексия – таинственная красавица, появившаяся из ниоткуда. Георг, совершивший подлог ради любимой. Действительно ли он взял в жены девушку из Сумрака? Сейчас, после странного сна, я была почти готова в это поверить. "А Мартин, – напомнила я себе, – считает эту книгу фальсификацией". Жаль, что я договорилась о встрече с Пабло только через неделю. Мысль о том, чтобы послать ему записку и предложить увидеться как можно скорее, я не без сожаления отмела – похоже, именно на такую реакцию Фиоре и рассчитывал. Мартин был прав в одном: планов Пабло мы не знаем, стало быть, с ним следует держаться осторожно.

До завтрака я успела прочесть еще с десяток страниц, но почти ничего интересного не обнаружила. Почти – потому что один факт меня все-таки заинтересовал. Благодатный

Эрих вынудил Алексею Лерой отдать ему некий амулет, о назначении которого никому не сказал ни слова. Денно и ночью носил он амулет под одеждой, но однажды все-таки утратил его.

Дело было так. Эрих возвращался из Лероя в столицу в сопровождении отряда королевских воинов. Разумеется, на ночь они останавливались на постоялых дворах и в тавернах, но часть пути пролегла через разоренные земли. Не то, что приличного постоялого двора – жалкой хибары, уцелевшей от пожара, можно было не встретить за целый день пути. Тогда отряд располагался на ночевку под открытым небом. Кашеварили воины сами, а спали, завернувшись в плащи, но для Благодатного всегда сооружали постель из одеял. Однажды вечером Эрих решил искупаться перед сном в небольшом лесном озере. Стояла удивительная для северных краев жара, и глава Храма пожелал освежиться, покуда будет готовиться ужин. Он разделся, нырнул, а когда вынырнул, то цепочки с амулетом на его шее уже не было.

Пропажу Эрих обнаружил уже на берегу. У озера отряд задержался еще на два дня. Воины ныряли, обшаривали дно, но амулет исчез бесследно. Сквозь прозрачную толщу воды были видны лишь камни и коряги, да еще деловито сновали туда-сюда рыбки.

– Не могла ведь она обратиться в рыбу? – тоскливо спросил Благодатный.

– Кто? – поинтересовался один из ищеек.

– Проклятая ведьма Лерой.

Ищейки и воины встревожено переглянулись. Похоже, рассудок Эриха не выдержал ниспосланных ему испытаний. В рыб, равно как и в птиц, и в животных не могли обращаться даже Сумеречные.

Вскоре стало ясно, что опасения оказались оправданными. Эрих принялся расхаживать по берегу, выкрикивать проклятия, грозить кулаком кому-то невидимому, а затем упал ничком и разрыдался. Но уже к следующему утру Благодатный пришел в себя, но сделался замкнут, нелюдим и подозрителен. Если прежде еще были в его окружении люди, искренне полагавшие себя его друзьями, то вскоре подобных заблуждений уже ни у кого не осталось. А после того, как Благодатный отправил на костер по обвинению в ереси своего первого помощника, прочие служители стали предпочитать держаться от Эриха подальше. Если ему случалось войти в общую трапезную, все разговоры мигом стихали. Когда Эрих шел по коридору, все встреченные им на пути вжимались в стены и опускали глаза. А еще у Благодатного появилась странная привычка – он то и дело подносил руку к груди и пытался нащупать некий предмет, но только разочарованно морщился и иногда шипел сквозь зубы:

– Ведьма! Проклятая ведьма! Думаешь, перехитрила меня?

Сам он ни разу не уточнил, о ком говорит, а смелости поинтересоваться ни у кого не хватило. Автор же манускрипта

– вероятно, кто-то из ближайшего окружения Благодатного
– был уверен, что Эрих видит в такие мгновения перед внутренним взором лицо Алексии Лерой.

– Ты веришь в эти небылицы? – снисходительно спросил Мартин.

– Я не знаю. С одной стороны, и Эрих, и Алексия существовали в действительности. И по воспоминаниям многих современников, Эрих действительно сильно переменялся после окончания войны, но это вполне объяснимо. Нет ни одного источника, повествующего о том, каким образом удалось провести Черту, но все сходится, что Благодатный вложил в нее свои жизненные силы. Разумеется, такой подвиг не прошел для него даром. С другой стороны, об утерянном амулете не упоминается вообще нигде. И о роли Алексии Лерой не повествуют даже семейные предания. Я вообще не припоминаю ни одной семейной легенды, которая была бы связана с ней. Помнишь, как мы боялись по ночам подниматься в северную башню, чтобы не увидеть призрак прабабушки Береники? Или вот еще та история о двоюродном дедушке Огюсте, который так много выпил вина на осеннем празднике, что перепутал конюха со священником и попросил у него благословения – мы все слышали ее неоднократно. А ни о Георге, ни о его супруге почти ничего не известно. Но и этому тоже можно найти объяснения.

– Основным из которых будет одно: манускрипт – фаль-

шивка. Не знаю, сам ли Фиоре ее состряпал, или ему кто-то продал эту ерунду за солидные деньги, но на правдивость столь сомнительной рукописи я бы не рассчитывал.

– И Благодатный предупреждал меня, чтобы я не доверяла Пабло, – припомнила я. – Хотя словам самого Благодатного я склонна верить еще меньше. Не сомневаюсь, он будет меня расспрашивать о разговоре с Фиоре.

Мартин нахмурился.

– Думаешь, за тобой следят и нас видели в трактире?

– Вполне вероятно. Но рассказывать Францу о манускрипте я не собираюсь. Надо будет придумать иную причину нашей встречи.

– Скажи, будто Фиоре просил у тебя денег на новую экспедицию, – предложил Мартин.

Я покачала головой.

– Благодатный не поверит. Сокровищница разграблена, о существовании тайника я якобы не подозреваю. Есть еще банковские счета, но мне необходимо восстанавливать Лерой. К тому же я не знаю, насколько богат сам Пабло. Вдруг он финансирует свои путешествия из собственного кармана. Конечно, он упоминал о том, что ему выгодна дружба с Каролиной, но и сам он может обладать немалым состоянием. Франц сразу поймет, что я лгу. А ложь порождает подозрения.

– Ну тогда сообщи, что Фиоре пригласил тебя на свидание.

– И выбрал столь странное место, как трактир у рыночной площади? Да еще попросил захватить с собой друга? Несколько странно, ты не находишь?

– Мало ли чего мог нахвататься Фиоре в своих странствиях, – не сдавался Мартин. – Может, для него это нормально – отношения и с мужчиной, и с женщиной одновременно. Мы-то с тобой по миру не странствовали. Но ты права: для нас такой вариант не подходит. А если сказать, что Пабло интересовался уцелевшими ценностями рода Лерой, хотел уговорить тебя что-нибудь продать ему? Он ведь не знает подробностей нападения и может полагать, что Сумеречные не тронули сокровищницу.

– Неплохой вариант, – подумав, согласилась я.

Это был наихудший из всех возможных вариантов, только мы еще об этом не знали.

– Значит, Фиоре интересуют артефакты? – Благодатный даже не пытался скрыть, насколько он взволнован.

– Да, он так сказал. Я подумала, что это может оказаться любопытным для вас, потому и поспешила прийти.

– Вы поступили правильно, милая моя Рина. Весьма, весьма благоразумно.

– Скажите, – я немного замаялась, – а Фиоре богат? У него действительно хватило бы денег на покупку?

Глава Храма бросил на меня быстрый взгляд.

– Во время своего первого визита вы упомянули, что со-

кровищница разграблена. Или я неверно вас понял?

Осторожно подбирая слова, я ответила:

– Да, вы правы. Но меня интересует, мог ли Фиоре попытаться обмануть меня? Иными словами, не мошенник ли он?

– Нет, в денежных вопросах он порядочен, – сказал Благодарный более мягким тоном. – Не припоминаю случая, чтобы кто-либо жаловался на него. Отец оставил ему внушительную сумму, которую Пабло и тратит на свои прихоти. Странствует, вместо того, чтобы жениться и вести достойную жизнь при дворе.

Вот, значит, как. Что бы ни было от меня нужно Фиоре, это не деньги. Интересно.

Франц, как оказалось, разделял мой интерес.

– А вы не припомните, милая моя Рина, вдруг наш путешественник спрашивал о каком-то определенном артефакте? Быть может, он даже описал вам некий предмет?

Слова Благодарного меня насторожили. Он явно знал об артефактах моего рода что-то такое, чего не знала я. Неужели он подразумевал ту самую утрату Эриха? Или Францу нужна была иная ценность? Если рукопись не была поддельной, то упоминание о медальоне Алексии вполне могло содержаться и в одной из книг библиотеки Храма.

– Нет, Фиоре не спрашивал о чем-либо конкретном. Он просто сказал, что готов купить у меня какой-нибудь из уцелевших артефактов. Вроде бы он собирает разные старинные диковины. Но сокровищница опустела, так что мне при-

шлось отказать ему. Полагаете, он мог искать некую ценность, принадлежавшую моим предкам?

– Не знаю, не знаю, – задумчиво отозвался Благодатный. – Быть может, он просто рассчитывал приобрести недорого какую-нибудь редкость. К сожалению, теперь нам этого не узнать. А все же хотелось бы выяснить, что именно ему известно?

– Что именно ему известно – о чем? – резко подавшись вперед, спросила я.

Франц вздрогнул и перевел на меня взгляд. Последнюю фразу он определенно произнес не для меня – просто размышлял вслух.

– Как вы полагаете, Рина, может ли Фиоре что-либо знать о содержимом сокровищницы дель Лерой?

– Откуда бы? – я постаралась спросить как можно более удивленно, хотя подобная абсурдная мысль уже не единожды приходила мне в голову.

– Вот и я так думаю, – медленно произнес Благодатный. – Откуда бы?

И устремил мне в лицо тяжелый немигающий взгляд, от которого мне стало не по себе.

Этот сон даже более странный, нежели предыдущий. Снова беззвездная ночь, снова незнакомая местность, только не

облетевший лес, а опустевший сад. Возле покрытой серебристой изморозью каменной скамьи горит одинокий фонарь. Я смотрю на тусклый круг желтого света, прикасаюсь, словно зачарованная, к холодной резной спинке. От тепла моих пальцев изморозь тает, и темно-серый камень влажно поблескивает там, где я провела рукой. Сегодня ветра нет, и тишина, неестественная, мрачная, давит на меня и вселяет страх.

– Ты пришла.

Негромкий голос за спиной заставляет меня вздрогнуть и обернуться. В темноте я могу разглядеть лишь силуэт – мужской, судя по росту и ширине плеч.

– Кто ты? – мой голос дрожит.

Пальцы с силой сжимаются на камне, но холода я не чувствую. Я и боюсь, что незнакомец шагнет ко мне, и хочу этого.

– Кто ты? – повторяю и понимаю, что вот-вот сорвусь на крик.

Я не вижу его лица, но чувствую, что он усмехается. Я забавляю его – одинокая, беззащитная, из последних сил старающаяся сохранять спокойствие. Злость поднимается во мне темной волной, сметает настойчивые возражения здравого смысла, и я спрашиваю в третий раз:

– Да кто ты, Сумрак тебя подери, такой?

Он смеется низким хриловатым смехом.

– А ты смелая. Смелая, но безрассудная.

Его голос звучит почти нежно. Опасная нежность, предостерегающая, подобная мягкой кошачьей лапе, в которой прячутся острые когти. И хищник передо мной явно крупнее домашней кошки. Я вскидываю голову, гордо задираю подбородок, крепко сжимаю зубы. Я не боюсь тебя, видишь?

– Подойдешь?

Он играет со мной. В его голосе проскальзывают бархатистые нотки, такие завораживающие, такие соблазнительные. Желание шагнуть к незнакомцу, увидеть наконец его лицо становится почти нестерпимым.

– Иди ко мне, – зовет он.

Пальцы медленно, нехотя разжимаются, оставляя нагретый от тепла моей руки камень. Я напряженно всматриваюсь в полумрак и делаю первый осторожный шаг... И просыпаюсь.

Этот сон не напугал меня так, как первый. Теперь я уже твердо считала странные сновидения связанными с манускриптом и утром испытывала даже небольшую досаду: очень уж мне хотелось рассмотреть лицо незнакомца. А еще меня не покидала уверенность, что приснившиеся мне места существуют в действительности. Вот только где? И отчего они показались мне знакомыми? И я не была уверена, что Пабло Фиоре знает ответы на эти вопросы.

Помимо воли мысли мои то и дело возвращались к незнакомцу из сна, оттого-то я и проглядела опасность, подкрав-
шуюся ко мне наяву. Посетив банк, я решила немного прой-
тись и выпить горячего шоколада в кондитерской. Будь я бо-
лее внимательна, то смогла бы через витрину рассмотреть
недавно вошедшую в модное заведение пару: Изабеллу и ее
сына. Но я в который раз вспоминала диалог с незнакомцем,
потому толкнула дверь и вошла, не заглядывая. И тут же ока-
залась вырвана из грез знакомым голосом:

– Дорогая, дорогая Северина! Я как чувствовала, что мы
неприменно встретим вас! Фернан собирался уже уходить,
но я уговорила его задержаться. Присоединяйтесь к нам,
прошу!

Я бросила взгляд на заставленный тарелочками с пирож-
ными столик. Что-то сомнительно, чтобы Фернан собирал-
ся покинуть свою родительницу: Изабелла тщательно блюла
фигуру, справедливо полагая, что хрупкость и изящество ей
к лицу. Значит, угощение предназначалось для молодого че-
ловека.

Изабелла ткнула острым локтем сына в бок.

– Фернан! Поприветствуй же нашу дорогую Северину!

Флегматичный рыхлый блондин с крупным носом и
близко посаженными небольшими светло-голубыми глазами
нехотя процедил:

– Счастлив вас видеть, госпожа дель Лерой.

– Взаимно, – фальшиво улыбнулась я. – Простите, но я

заглянула ненадолго – хотела заказать меренги к ужину.

Изабелла не поверила в мою ложь. На розовых губах появилась куда более радостная – и более фальшивая – улыбка, нежели у меня, и дама нежно пропела:

– Ах, дорогая, куда вам спешить? Прошу вас, присаживайтесь, составьте нам компанию. А мы развлечем вас новостями. Слышали, что произошло с тем неприятным молодым человеком?

– Простите, вы о ком?

– Ну как же! О недавнем госте ее высочества.

Заинтригованная, я опустила на стул, который придвинул мне с кислым выражением лица Фернан.

– Так что же случилось с господином Фиоре?

– Ничего, – удивленно ответила Изабелла. – А почему с ним должно что-то случиться?

Я растерялась.

– Но вы ведь сами только что сказали, что знаете некие новости о нем.

Моя собеседница досадливо поморщилась.

– Ах, нет же! Я говорила о поэте, помните такого? Он еще читал на редкость глупые стишата. Я еще тогда сказала вам, что давненько мне не приходилось слышать этакой ерунды.

Я бросила на Изабеллу изумленный взгляд. Неужели память столь сильно подводит ее? О бездарности поэта упомянула Матильда, а заклятая подруга тут же обвинила ее в вульгарности. Но красивое лицо Изабеллы было столь безмятеж-

но, что я даже усомнилась в том, что правильно запомнила события.

Арамеус был мне неинтересен, так что рассказ о его похождениях и о том, что поэта застал некий богатый старикашка в пикантной ситуации со своей супругой, я слушала невнимательно. Фернан все то время, что его маменька пыталась втянуть меня в разговор, флегматично поглощал пирожные. Очень скоро все тарелочки на нашем столе опустели, причем сладкоежка умудрился незаметно слопать и мой заказ.

– Но самое поразительное, – завершила повествование о злоключениях Арамеуса Изабелла, – что ее высочество только посмеялась над этой историей. Представляете, Северина? Каролина осудила бы кого угодно, но своему любимцу готова все спустить с рук. Хотя надо признать, что он – весьма привлекательный мужчина. Многие молодые женщины без ума от него, что уж говорить об увядающей даме?

У меня не было ни малейшего желания обсуждать отношение принцессы к поэту, и я принялась спешно придумывать предлог, чтобы покинуть кондитерскую – тем более, что десерта меня все равно лишили. На мое счастье, дверь распахнулась, впуская нового посетителя. Мартин сдержанно поприветствовал Изабеллу и ее сына и уже хотел устроиться за нашим столиком, как я вскочила.

– Как хорошо, что ты пришел! – преувеличенно радостно воскликнула я. – Я как раз обнаружила чудесную ткань

для обивки тетушкиных кресел. Как раз такую, как она хотела. Вот только не помню, тетушка предпочитает розовые или сиреневые оттенки? Давай ты тоже взглянешь?

К чести Мартина, он не стал удивленно спрашивать, к чему тетушке менять обивку на купленных совсем недавно креслах. Равно как и недоумевать по поводу того, что я именно у него интересовала любимыми цветами тетушки. Напротив, он кивнул и абсолютно серьезно сказал:

– Конечно, данный вопрос требует основательного подхода. Пойдем, я хочу сам оценить ткань.

И мы покинули раздосадованную Изабеллу. Фернан, по моему, не обратил на наш уход ни малейшего внимания. Перед ним еще красовались остатки пирожного.

Я иду по длинному коридору, освещенному лишь призрачным лунным светом. Я знаю, что на стенах висят светильники, которые должны ярко гореть всю ночь, но сегодня чья-то рука так кстати загасила их. Это хорошо – в полутьме у меня больше шансов остаться незамеченной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.